

© 1997 г.

Э.В. КЛОПОВ

ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ

КЛОПОВ Эдуард Викторович - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

К числу наиболее примечательных явлений, отражающих переходное состояние современного российского общества, может быть отнесена получившая очень большой размах вторичная, сверх основной работы, занятость. Оценивая ее масштабы, Е. Хибовская, постоянно отслеживающая этот процесс на материалах мониторинга экономических и социальных перемен, осуществляемого ВЦИОМ, утверждает, что в нашей стране в середине 90-х годов в дополнительную трудовую деятельность было включено, как минимум, 10-15 млн. человек, или 15-20% занятого населения страны. Более того, она убеждена, что фактически различными формами вторичного труда охвачено до 30% занятых [1].

Конечно, как тяготы, так и преимущества такого труда ощущают прежде всего сами «вторичнозанятые» - те работающие люди, которые прибегают к дополнительным приработкам, чтобы повысить или сохранить уровень материальной обеспеченности их семей. С одной стороны, это дается им ценой дополнительного, иногда весьма значительного, напряжения сил, сокращения свободного времени. К тому же им зачастую приходится выполнять менее квалифицированные, чем они могут, работы. С другой стороны, вторичная занятость способствует не только увеличению доходов, но нередко и более полной реализации трудового и культурного потенциала многих работников; она расширяет возможности выбора ими новых сфер и типов деятельности. Естественно, что в литературе эта проблема чаще всего рассматривается именно с точки зрения адаптации населения России к современной социально-экономической ситуации [2].

А вместе с тем, сами масштабы дополнительного оплачиваемого труда, большая численность людей, включившихся в сферу более или менее регулярных, больших или меньших приработков, не могут не повлиять на все общество в целом, на характер его развития и функционирования. И вполне закономерно автор упомянутых выше статей о вторичной занятости как способе адаптации населения к экономической реформе уже вскоре приходит к выводу о том, что ее функции «не исчерпываются апелляцией к спасительной роли приработков, дающих людям возможность пережить тяжелые времена». Она полагает возможным, даже необходимым говорить «об особой роли и функциях феномена вторичной занятости в переходной российской экономике» вообще [3]. Следовало бы только добавить - и о ее особой роли в трансформации социальной структуры российского общества.

Значительное расширение масштабов вторичной занятости в России на рубеже 1980-1990 гг. было во многом обусловлено снятием всех запретов и ограничений на приработки, введенных в период административно-бюрократического управления

народным хозяйством, в качестве одного из важнейших атрибутов такого управления [4]. Все же развитию такой «полумобильности» способствовало прежде всего то обстоятельство, что экономическая реформа стимулировала процесс разукрупнения и преобразования старых хозяйственных структур (преимущественно крупных и средних) и появления вокруг них, рядом с ними, независимо от них многочисленных новых, прежде всего малых предприятий и организаций, а также целого слоя предпринимателей-индивидуалов. Возникла потребность в перетоке в эти новые образования (разных форм собственности, но прежде всего частной) больших масс работников. Она, в общем, удовлетворяется - однако не только в форме перехода сюда работников из реформируемого государственного сектора экономики, но и в результате использования на предприятиях и в организациях негосударственного сектора труда тех работников, для которых новое рабочее место является вторым (при сохранении основного на прежнем предприятии, в старой организации), а работа - дополнительной, в том числе иногда или даже нередко не оформленной никакими договорами, контрактами и т.д.

Очевидно, что проблему вторичной занятости можно (и следует) рассматривать как многоплановую. Как экономическую - например, с точки зрения того, какие хозяйственные функции реализуются с ее помощью, какие рабочие места создаются или приспособляются специально с учетом того, что на них будут трудиться «вторичнозанятые» и прирабатывающие, и т.д. Как правовую, потому что значительная часть дополнительного труда реализуется в неформальной (теневой), в том числе криминальной, экономике. Но также, конечно же, и как социальную — поскольку в сферу вторичной занятости вовлечены большие массы населения.

Включение многих миллионов работающих людей в эту сферу существенным образом влияет на разнообразные социальные процессы. Оно способствует адаптации занятого населения к меняющимся условиям жизнедеятельности - и не только с точки зрения повышения или поддержания достигнутого ранее уровня жизни, но и в связи с изменениями в системе отношений собственности, структурными преобразованиями народного хозяйства и т.д. А вместе с тем вторичная занятость служит также важным элементом механизма и формой социально-трудовой мобильности и в этом качестве - весомым фактором трансформации социально-экономической структуры российского общества.

Именно этот последний (не по значимости!) аспект проблемы вторичной занятости является предметом анализа в данной статье. Соответственно основное внимание в ней будет сосредоточено, во-первых, на выявлении основных потоков этой своеобразной «полумобильности» и на анализе ее воздействий на процессы преобразования российской экономики и тем самым — на трансформацию социальной структуры общества. Во-вторых, на определении количественных параметров слоя работников, занимающихся дополнительной трудовой деятельностью. В-третьих, на характеристике социально-демографических, социокультурных и социально-производственных факторов вовлечения занятого населения в эту сферу труда и, соответственно, состава «вторичнозанятых». В-четвертых, на анализе мотивов и стимулов дополнительной оплачиваемой деятельности.

1. Роль вторичной занятости в трансформации социально-экономической структуры российского общества

Различные обследования свидетельствуют, что основной поток работников, ищущих вторичную, дополнительную работу, направляется на предприятия и в организации тех отраслей, форм собственности, типов хозяйственной организации, которые сильнее вовлечены в процесс маркетинга российской экономики. Так, в середине 90-х годов на малых предприятиях (абсолютное большинство которых, 96%, находится в негосударственной собственности) наряду с почти 9 млн. постоянных работников (из них без малого 90% на негосударственных предприятиях) еще более 5 млн. человек трудилось на условиях вторичной занятости [5].

Характерно также, что среди тех респондентов, опрошенных в 1995 г. в рамках Российского лонгитюдного мониторингового обследования (RLMS), проводимого по заказу университета Северной Каролины (США), у которых была «еще какая-нибудь работа», свыше четверти были заняты на предприятиях с числом работников не более 10, около половины - с числом работников не более 20, почти 4/5 - там, где трудится не более 100 человек, и только немногим больше 7% работали дополнительно на средних и крупных предприятиях с числом работников более 500.

Уже из этих фактов можно сделать вывод о большом значении такой «полумобильности», какой является вторичная занятость, для модернизации российской экономики. Как для «облегчения» народного хозяйства России, прежде чрезмерно утяжеленного из-за преобладания в нем крупных и сверхкрупных производственных структур, так и для расширения, развития, функционирования частного сектора экономики, основу которого в настоящее время составляют преимущественно хозяйственные образования малых форм.

Более того, именно с помощью этого эффективного механизма перераспределения и мобилизации трудовых ресурсов в нашей стране стала достаточно быстро развиваться система мельчайшего (индивидуального) предпринимательства, без чего вообще невозможны ни структурная перестройка народного хозяйства, ни сколько-нибудь последовательное внедрение в экономику рыночных начал. Симптоматичны в этой связи данные того же опроса 1995 г. в рамках RLMS. Респондентам задавался, среди прочих, также вопрос: их второе занятие - это работа «на предприятии, в организации, в учреждении, колхозе, совхозе, фирме»? Иначе говоря - в составе какой-либо хозяйственной структуры или же вне таких структур? Оказалось, что лишь немногим более 3% всех опрошенных работников, но почти 30% «вторичнозанятых» трудятся вне рамок какой-либо хозяйственной организации, т.е. непосредственно включены в функционирование и развитие сектора индивидуального предпринимательства.

О влиянии вторичной занятости на реструктурирование нашего народного хозяйства (а тем самым и на перераспределение занятого населения между компонентами социально-экономической структуры российского общества, на преобразование этой структуры) свидетельствуют также материалы опросов 1990 и 1994 гг., осуществленных сотрудниками Института философии РАН под руководством Н. Лапина. Из них видно, что на протяжении этих четырех лет существенное перемещение рабочей силы на предприятия и в организации новых (в том числе переходных - для условий первой половины 90-х годов) форм хозяйствования произошло не только в результате перетока в них многих работников из старых структур, но и за счет широкого использования в этих новых хозяйственных образованиях труда тех, кто занимается приработками. Причем переток этих последних происходил даже более интенсивно (см. табл. 1).

Доля респондентов, чьей основной занятостью была работа на предприятиях и в организациях государственного сектора, уменьшилась на треть. Значительная их часть в середине 90-х годов трудилась на предприятиях переходных и новых форм собственности и хозяйствования; причем численность занятых на предприятиях новых форм увеличилась более чем в одиннадцать раз. И все же абсолютное большинство работников продолжало трудиться в государственном секторе. Что же касается тех, кто работал на условиях вторичной занятости, то в начале 90-х годов значительная их часть (а если не считать получавших дополнительный доход в личных подсобных сельских хозяйствах, то абсолютное большинство — более двух третей) прирабатывали на предприятиях и в организациях государственного сектора, а четыре года спустя таким большинством стали занятые на предприятиях переходных и принципиально новых форм собственности и хозяйствования (почти 3/5). Фактически ту же тенденцию обнаруживают и ответы на вопрос, на каком предприятии респонденты предпочли бы трудиться - как в качестве основного места работы, так и для приработков.

Распределение респондентов - работников разных типов занятости по различным секторам хозяйствования
(опросы 1990 и 1994 гг. под руководством Н. Лапина) [6]

Типы занятости	Заняты в различных формах хозяйствования (% от числа опрошенных)			
	Старые формы	Промежуточные и переходные формы	Новые формы	Личные подсобные сельские хозяйства
Реальная занятость(всех опрошенных) - основная				
в 1990 г.	91.1	4.8	0.9	3.2
в 1994 г.	68.0	20.8	10.1	1.1
- вторичная				
в 1990 г.	16.1	3.4	3.5	14.4
в 1994 г.	4.5	4.5	13.3	22.8
Потенциальная занятость				
- основная				
в 1990 г.	57.9	11.3	10.1	9.3
в 1994 г.	38.9	17.2	29.0	3.5
- вторичная				
в 1990 г.	23.2	17.6	18.7	26.9
в 1994 г.	11.7	10.1	35.5	42.6

Данные опроса примерно 2 тыс. жителей России в апреле 1995 г., осуществленного ВЦИОМ по заказу шотландского Центра исследований публичной политики (Centre for the Study of Public Policy), равно как и другие опросы, в том числе в рамках мониторинга ВЦИОМ, также свидетельствуют, что формирование слоя «вторичнозанятых» сыграло и продолжает играть важную роль в разгосударствлении российской экономики, способствует росту и развитию ее нового сектора - частно-предпринимательского.

Характерно, например, что в апреле 1995 г. в бюджетных учреждениях (образование, здравоохранение, армия, органы управления и т.д.) и на предприятиях государственного сектора было занято 52% всех опрошенных работников и 18% имевших дополнительные приработки, на приватизированных (бывших государственных) и смешанных (приватизированных с участием государства) предприятиях - соответственно 29 и 8%, в новых частных компаниях, кооперативах, фирмах с иностранным участием - 10 и 29%, имели собственное дело, в том числе ферму, или были заняты индивидуальной трудовой деятельностью - 4 и 29%, на предприятиях, организациях других типов — 6 и 15% [7].

В марте 1996 г. в государственном секторе трудились 51% всех работающих респондентов и лишь 24% из числа имеющих вторую, дополнительную работу; в промежуточном (полугосударственном) - соответственно 26 и 12%; в частном - 23 и 56%. При этом большинство работников государственного сектора (44%) имели приработки в государственных же структурах, но также очень многие (36%) в частном секторе. Наоборот, преимущественно в частном секторе прирабатывали занятые в промежуточном секторе (51%) и особенно в том же частном (82%).

Наиболее крупными (и характерными) группами «вторичнозанятых» были в марте 1996 г., во-первых, те, кто имел и основную работу и приработки в государственном секторе (18% всех имевших приработки); во-вторых, имевшие основную работу в государственном секторе, а дополнительную - в частном (16%); в-третьих, самую большую группу (29%) составили занятые в частном секторе и там же имеющие приработки (остальные, т.е. более трети, это занятые на основной работе в полугосударственном секторе и/или прирабатывавшие там же - расчеты Е. Хибовской) [8].

Виды дополнительной работы, приработков у респондентов, имевших их в апреле и июле 1994 г., марте и мае 1995 г. (% , данные мониторинга ВЦИОМ)

Виды дополнительной работы *:	Совместительство	Контракт	Производство	Торговля	Услуги	Другое
Апрель 1994**	31.9	5.6	5.6	19.0	24.9	16.7
Июль 1994 **	27.0	7.7	8.4	21.7	26.6	17.3
Март 1995**	34.1	8.5	3.5	16.4	28.0	16.3
Май 1995***	35.8	7.3	4.0	11.1	31.5	14.9
<i>В том числе занятые в секторах:</i>						
государственном	40.7	8.7	4.7	10.9	24.9	13.7
полугосударственном	14.5	6.4	1.4	18.9	48.6	20.2
частном	37.5	0.0	3.5	3.1	42.5	18.7
<i>в отраслях****</i>						
промышленность	38.7	4.7	2.5	18.7	24.3	14.9
сельское хозяйство	16.2	16.1(?)	1.7	13.6	42.2	11.9
торговля	33.4	1.0	2.9	3.9	47.9	13.8
социальная сфера	51.0	12.0	9.8	3.4	23.4	9.9
управление	15.9	3.5	0.0	5.8	48.3	28.0

Виды дополнительной работы: 1) совместительство на том же, другом предприятии, в той же, другой организации; 2) профессиональная деятельность по контракту, заказу (компьютерное программирование, перевод, написание статей, чтение лекций); 3) производство потребительских товаров на продажу; 4) свой магазин, кафе, киоск; брокерство, посредническая деятельность; уличная торговля, торговля товарами, привезенными из других городов, из-за рубежа; 5) услуги населению по строительству, ремонту, пошиву; репетиторство, частные уроки; частные услуги (уборка, приготовление пищи и т.д.); 6) другие работы, затруднились ответить, нет ответа.

** Все респонденты - работающие и неработающие.

*** Только работающие.

****Отрасли народного хозяйства: 1) промышленность, строительство, транспорт, связь; 2) сельское, лесное, охотничье хозяйство; 3) торговля, снабжение, общепит, ЖКХ, бытовое обслуживание; 4) образование, дошкольное воспитание, здравоохранение, культура, искусство, наука, спорт; 5) органы управления, общественные организации, кредитно-финансовая сфера, армия, милиция и др.

Таким образом, «полумобильность» работников государственного сектора народного хозяйства способствует перераспределению рабочей силы в пользу его новых секторов, а подобная же активность тех, кто занят в частном секторе, практически вся направлена на упрочение и развитие этого сектора.

Конечно, здесь более или менее подробно рассмотрен лишь тот вектор воздействия вторичной занятости на социально-экономическую ситуацию, который способствует разгосударствлению экономики и возрастанию в ней удельного веса частного и переходного секторов (а в составе занятого населения - удельного веса работников частного сектора и предпринимателей). Вместе с тем, широко реализуемая работниками, занятыми в государственном и полугосударственном секторах, возможность трудиться дополнительно, ради увеличения своих доходов, имеет большое значение также для экономической и особенно социальной стабилизации (а значит, и для консервации) этих секторов. Эта важная проблема рассматривается (в ряду других) в докладе «Реструктурирование занятости и развитие рынков труда в России», подготовленном коллективом исследователей под руководством проф. С. Кларка (Великобритания) и В. Кабалиной (ИМЭМО РАН).

Большое значение для анализа того влияния, которое вторичная занятость оказывает на происходящие в экономике и в целом в обществе преобразования, имеет также информация о содержании и характере самих дополнительных занятий (ее можно найти в публикациях мониторинга ВЦИОМ). Хотя некоторые из показателей,

приводимых там, вряд ли достоверны (главным образом из-за малочисленности отдельных групп респондентов), в совокупности они вполне отчетливо характеризуют некоторые аспекты этого процесса (см. табл. 2).

Из них видно, в частности, что значительную часть (до 1/3) «вторичных» рабочих мест составляет работа по совместительству на своих же или на других предприятиях (организациях), т.е. в рамках тех или иных хозяйственных структур. Скорее всего, таких рабочих мест стало больше, чем было 10-20 лет назад (поскольку тогда и этот вид приработков если и не преследовался, то жестко ограничивался). Вместе с тем, лишь меньшая часть совместителей занята в новых секторах экономики, а большая в ее старых структурах - государственных или же сохранивших различные, в том числе генетические, связи с государственной экономикой.

Характерно, что по данным майского (1995 г.) опроса больше всего совместителей было среди работников социальной сферы (образование, здравоохранение и т.д.), а также среди занятых в промышленности. Соответственно, работавших по совместительству было больше среди занятых в государственном секторе, чем среди занятых в частном (по результатам мартовского опроса того же года этот разрыв был гораздо более внушительным).

Существенно возросли также возможности иметь дополнительные занятия, которые выполняются как внутри предприятий и организаций, так и вне их рамок, но по их заказам, контрактам с ними и т.д. (таким способом обеспечивали себе дополнительный доход 6-8% всех прирабатывающих).

И все же больше всего расширилась область частных, вне каких-либо формальных организаций, вторичных занятий - в меньшей степени (4-8% «вторичнозанятых») в производстве товаров для продажи, в гораздо большей (45—50% их численности) в разного вида обслуживании - будь то уличная торговля или ремонтные и строительные работы, или шитье одежды, уборка помещений и приготовление пищи и т.п., а также такие новые виды услуг, как посредническая деятельность, брокерство и т.д. Иначе говоря, вторичная занятость получила особенно большое распространение там, где плановая социалистическая экономика меньше всего преуспевала (и где, тем не менее, самостоятельные попытки людей обеспечить согражданам дополнительные услуги, а себе дополнительные доходы особенно жестко пресекались).

При этом из данных упомянутых выше опросов апреля и июля 1994 г. и марта 1995 г. видно, что примерно 1/3 респондентов, имевших вторичные занятия, продолжали трудиться «по той же профессии, специальности, что и на основной работе». Еще 2/5 ответили, что их дополнительная работа «вообще не требует профессиональной подготовки», либо затруднились ответить (а это, скорее всего, также свидетельствует, что приработки осуществлялись, так сказать, на непрофессиональной основе). Наконец, около 1/4 прирабатывали «по другой профессии, специальности, чем на основной работе». Следовательно, вовлечение экономически активного населения в сферу вторичной занятости служит также предпосылкой перемен в его профессиональной структуре, способствует большей мобильности рабочей силы, усиливает тенденцию к перемене труда, что очень важно для всего процесса перестройки российской экономики.

Конечно, при этом неизбежно происходит деквалификация части рабочей силы. Так, лишь меньше половины респондентов ВЦИОМ ответили, что работа для приработков требует от них большей или примерно такой же квалификации, что и основная. Соответственно больше половины либо считают, что нужна меньшая квалификация, либо затруднились с ответом (что и в этом случае может быть истолковано как отсутствие потребности в более или менее высоком уровне квалификации). Поэтому только относительно этой второй (правда, большей) половины может идти речь о возможной деквалификации и депрофессионализации работников на дополнительной работе. Однако именно среди этих респондентов немало тех, у кого и на основной работе не слишком высок уровень профессиональной квалификации.

«Вторичнозанятые» в группах респондентов, различающихся оценками жизненных обстоятельств
(в %, опрос 1995 г. в рамках RLMS)

а) *Удовлетворены/не удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время*

Респонденты имеют...	Вполне удовлетворены	Скорее удовлетворены	И да, и нет	Не очень удовлетворены	Совсем не удовлетворены
дополнительную работу*	5.0	6.3	4.5	4.2	3.7
приработки**	7.5	5.7	6.5	5.8	5.9

б) *Уверены/не уверены в том, что смогут при необходимости найти другую работу (не хуже той, на которой работают сейчас)*

	Полностью уверены	Скорее уверены	И да, и нет	Не очень уверены	Совсем не уверены
дополнительную работу*	11.5	5.6	3.4	2.7	2.9
приработки**	12.0	6.7	5.1	4.9	3.8

в) *Беспокоит/не беспокоит то, что могут потерять свою основную работу*

	Совсем не беспокоит	Не очень беспокоит	И да, и нет	Немного беспокоит	Очень беспокоит
дополнительную работу*	7.6	6.3	4.0	3.5	2.8
приработки**	9.3	6.9	4.8	4.1	5.0

Ответившие положительно на вопрос: «...у Вас есть еще какая-нибудь работа?»

Ответившие положительно на вопрос: «...в течение последних 30 дней Вы занимались (еще) какой-нибудь работой, за которую Вам заплатили?»

Важно, вместе с тем, подчеркнуть, что вовлечение работников в разного вида вторичные занятия способствует не только существенным переменам в экономике и обществе в целом, но и упрочению социальных позиций значительной части членов общества, а это, конечно же, имеет немаловажное значение для стабилизации всей социально-экономической ситуации. Об этой ее функции свидетельствуют, в частности, данные опроса 1995 г. в рамках RLMS, выявившие прямую зависимость между наличием у работников дополнительных приработков и, во-первых, их удовлетворенностью своей жизнью в целом, а во-вторых, их уверенностью в том, что при необходимости они найдут себе новую работу («не хуже той, на которой работают сейчас»). И обратную зависимость между вторичной занятостью и обеспокоенностью работников тем, что могут потерять работу. Проще говоря, в опрошенной тогда совокупности работников относительно большая доля «вторичнозанятых» оказалась среди более удовлетворенных жизнью, более уверенных в том, что сумеют найти себе хорошую работу и, соответственно, среди тех, кто меньше обеспокоен опасностью потерять работу, - и наоборот (см. табл. 3).

2. Масштабы дополнительного труда

Но какая же часть занятого населения России фактически вовлечена в дополнительную, «прирабочную» трудовую деятельность? - Это важно знать, чтобы оценить реальный потенциал влияния этого слоя на отмеченные выше процессы социально-экономической реструктуризации.

Приведенная выше оценка Е. Хибовской относительно масштабов этой деятельности одними обследованиями подтверждается, другими не вполне. Так, близкие к ней показатели получены в ходе упомянутых выше опросов, осуществленных под руководством Н. Лапина: из них следует, что разными видами приработок (если не учитывать занятость в личном подсобном сельском хозяйстве) на рубеже 1980—1990-х годов было занято более 16%, а в середине 1990-х уже 22% работающих респондентов [9]. В свою очередь, согласно опросу 1995 г. в рамках RLMS, только меньше 10% работающих респондентов ответили положительно на вопросы, есть ли у них «еще какая-нибудь работа», кроме основной (таких оказалось 4.4%), а также - занимались ли они в течение месяца, предшествующего опросу, еще какой-либо работой, за которую им заплатили (таких было 5.9%, включая и тех немногих, кто ответил положительно на оба вопроса).

Конечно, в любом случае речь идет о многих миллионах людей, занятых в народном хозяйстве и имеющих, сверх основной работы, разного рода приработки [10]. К тому же их удельный вес в России, по-видимому, заметно выше, чем в других странах сопоставимого уровня социально-экономического развития. Правда, и там показатели масштабов вторичной занятости заметно разнятся между собой. Так, в первой половине 1990-х годов в Венгрии соответствующий показатель равнялся 2.5%, в Чехии - 4.5%, тогда как в Финляндии 7.1%, а в Польше даже 8.5% (по данным Люксембургского исследования занятости - LES). Это, скорее всего, обусловлено различиями в методиках выявления таких работников.

Большой разброс показателей вторичной занятости в России также зависит прежде всего от различий в формулировках вопросов, призванных выявить самый факт занятий приработками сверх основной работы, даже «от степени детализации предлагаемых вариантов ответа» [11]. Возможно, это связано и с практически неизбежными различиями в составе выборочных совокупностей.

В этой связи мне показалось целесообразным выбрать в качестве основы для данного анализа материалы мониторинга ВЦИОМ - и потому что они, в конечном счете, содержат информацию об участии/неучастии больших массивов людей в дополнительной трудовой деятельности. И потому что они позволяют видеть динамику процесса (или ее отсутствие). И потому что в самой анкете имеются вопросы, ответы на которые позволяют контролировать и корректировать полученную информацию.

Итак, согласно опубликованным материалам этого мониторинга [12], можно утверждать, что на протяжении нескольких последних лет у большей части занятых в народном хозяйстве респондентов постоянно была, «помимо основного занятия, какая-нибудь другая работа или занятие, приносящие дополнительный доход». И хотя по мнению З. Куприяновой и Е. Хибовской, высказанному в декабре 1994 г., «сектор вторичной занятости оказался достаточно консервативным», поскольку, «вопреки ожиданиям, степень распространенности приработок среди работников остается стабильной» [13], некоторая динамика все же наблюдалась. Так, если в 1989 г. приработки имели 13% работников, то в 1993 г. - 14-20%, в 1994-1995 гг. - 18-20%, в 1996 г. - 20-21%.

Близкие по значению показатели выявили ответы на другие вопросы, задававшиеся респондентам ВЦИОМ. Так, отвечая относительно иных (кроме основного) источников доходов, в октябре 1993 г. почти 15% занятых в народном хозяйстве указали на дополнительные приработки, в феврале и сентябре 1994 г. - 19 и около 18%. (Кстати, дополнительные приработки в качестве основного источника доходов семьи указали, соответственно, около 3, почти 4 и более 4% занятых!)

Показательно, что в рамках одного опроса (сентябрь 1994 г.) 18.5% ответили утвердительно на прямой вопрос о занятиях, приносящих дополнительный доход, 17.7% указали, что одним из других (сверх основного) источников доходов у них были дополнительные приработки, а 26.5% - что они подрабатывали дополнительно, чтобы поддержать или улучшить свое материальное положение. Очевидно, что эти ответы корреспондируют друг с другом, а их сопоставление подкрепляет вывод о том, что в сфере дополнительного труда, приработков в каждый данный момент вовлечено не менее 20% занятого населения России.

Вместе с тем, у этого слоя, с одной стороны, имеется своего рода «резерв», образуемый теми людьми, кто еще не имеет приработков (или уже не имеет их), но готов включиться или вернуться в сферу вторичной занятости. Так, из публикаций о результатах трех обследований 1993 г. (март, июль, ноябрь), проведенные в рамках мониторинга ВЦИОМ, видно, что тогда 21, 23 и 20% всех респондентов, работающих и неработающих, положительно отвечали на вопрос: «Собираетесь ли Вы лично прирабатывать дополнительно в ближайшие 1—2 месяца?» - при том, что реально трудились для получения дополнительных доходов в то время 10-13% их совокупности. Правда, среди занятых респондентов показатели положительно ответивших на приведенный выше вопрос в меньшей степени превышали показатели численности уже работающих дополнительно, но разрыв между ними все же был. И это также позволяет говорить о том, что в то время имелись (и, скорее всего, имеются и сейчас) ресурсы для дальнейшего расширения сектора вторичной занятости за счет «новобранцев».

С другой стороны, немалую часть имеющих приработки всегда составляли те, кто не собирался продолжать эту деятельность, намерен прервать или прекратить ее. Все на тот же вопрос о намерении прирабатывать дополнительно ответили отрицательно 17% уже имевших такие приработки в апреле 1994 г., 20% в июле того же года, 16% в марте 1995 г. Безусловно, еще больше работников отказались бы от такой дополнительной работы, если бы их к этому не понуждала необходимость поддерживать семейные доходы на приемлемом уровне. Как пишет Е. Хибовская на основании данных мартовского (1996 г.) опроса ВЦИОМа, 33% опрошенных, имеющих приработки, уверены, что «если у них появится возможность хорошо зарабатывать на основном рабочем месте, то они оставят вторую работу». Зато 39% выказали убеждение (скорее всего, ориентируясь на собственные потребности и ценности), что «люди всегда будут прирабатывать, независимо от размеров заработков на основной работе» [14]. Это свидетельствует о подвижности слоя «вторичнозанятых» и о том, что реально через него проходит существенно больше людей, чем это показывают единовременные срезы.

Разумеется, степень включенности разных людей в сферу вторичной занятости существенно различна: одни прирабатывают более или менее регулярно, причем некоторые - на постоянной основе, а другие — то в одном месте, то в другом; в то же время многие оказываются в положении «вторичнозанятых» лишь на короткое время и опять-таки на разных условиях. У нас нет данных о продолжительности работы для дополнительного заработка (месяц? два? год? больше?). Однако об интенсивности таких занятий можно судить, например, по тому, что от 1/4 до 1/3 работников, опрошенных в рамках мониторинга ВЦИОМ и имевших в момент опроса дополнительные приработки (соответственно, в разные временные отрезки от 4 до 7% работавших респондентов), отвечали, что они занимаются такой работой более или менее регулярно, а остальные — что от случая к случаю.

Еще нагляднее неравномерность дополнительной трудовой нагрузки выявляют данные о том времени, которое приходится тратить на такую работу. Анализируя материалы мониторинга ВЦИОМ, Е. Хибовская пишет, что в период 1993-1996 гг. средние затраты времени на приработки колебались в пределах 13-21 часа в неделю, т.е. от 1/3 до 1/2 продолжительности обычной рабочей недели. Причем в марте 1996 г. (когда этот средний показатель составлял 18 часов) более чем у половины

прирабатывающих респондентов дополнительная рабочая неделя не превышала 14 часов, или в среднем 2 часа в день; почти у трети она составляла от 14 до 28 часов, т.е. в среднем около 3 часов в день, и только у 1/6 этой совокупности дополнительная нагрузка была больше 28 часов в неделю (так что у них, по оценке Хибовской, основное и дополнительное занятия как бы поменялись местами).

Этот показатель не только нагляднее, но и точнее показывает различия в степени включенности во вторичную занятость, чем ответы о регулярном или нерегулярном ее характере. Конечно, продолжительность дополнительной рабочей недели была заметно большей у занимавшихся приработками регулярно: среди них без малого у 1/4 она составляла более 28 часов в неделю, зато почти у 2/5 - менее 14 часов (в среднем эти траты времени достигали 22-24 часа в неделю, или 3-4 часа в день). Характерно, однако, что среди тех, кто трудился для получения дополнительных доходов нерегулярно, также оказалось много, так сказать, сверхзанятых - почти 1/10 расходовали на это свыше 28 часов в неделю; еще более чем у 1/4 эти затраты времени составляли от 14 до 28 часов. (А в среднем продолжительность дополнительной работы в этой группе составляла в неделю 15-17 часов, в день - 2-3 часа.) [15].

Еще большую интенсивность вторичной занятости выявил опрос 1995 г. в рамках RLMS. Связано это, скорее всего, с большей «жесткостью» задаваемых вопросов: у тех, кто сообщил, что у них «есть еще какая-нибудь работа» (не приработки, тем более нерегулярные, а именно работа; не случайно таких оказалось лишь 4.4% в совокупности работающих респондентов), спрашивали, сколько часов в среднем «продолжается Ваш обычный рабочий день на этой работе». Не более 3 часов он был у респондентов, составивших почти 2/5 этой совокупности, от 3 до 6 часов - более чем у 1/3, от 6 до 10 часов - у 1/6, более 10 часов - у 1/8. В среднем эти «вторичные» работники тратили дополнительно более 5 часов в день (что вполне сопоставимо с обычной продолжительностью рабочего дня на основной работе).

Таким образом, лишь часть работающих людей, имеющих приработки (от 1/5 до 1/4 их численности, что составляет примерно 1/20 занятого населения), через сферу вторичной занятости воздействуют на процесс трансформации социально-экономической структуры российского общества столь же полновесно, как и через сферу труда, обеспечивающего (по крайней мере, номинально) основной источник их доходов. Роль остальных «вторичнозанятых» как субъектов («актеров») этого процесса, в общем, меньше - на столько же, на сколько менее интенсивна их включенность в сферу дополнительного оплачиваемого труда.

Все это позволяет характеризовать вторичную занятость как весьма значимый, но все же именно как вторичный фактор общественных перемен, происходящих в нашей стране. Впрочем, степень воздействия на эти перемены со стороны совокупности работников, включенных в эту сферу, определяется не только их численностью, но и составом, и прежде всего экономической и социальной ролью тех, кого можно причислить к ядру этого контингента занятых.

3. Социально-демографические, социокультурные и социально-производственные факторы вторичной занятости

Практически каждый, кто анализирует материалы, отражающие особенности вторичной занятости в различных социально-демографических, социокультурных, социально-производственных группах, может, вслед за Е. Хибовской, сказать, что «наличие дополнительной работы ... в большей мере характерно для наиболее "сильных" (конкурентоспособных) и мобильных групп на рынке труда» [16]. Чаще всего в качестве таких групп фигурируют мужчины, молодежь, лица с высшим образованием, руководители хозяйственных структур, лица, занятые в частном секторе, жители столичных городов (Москвы и Петербурга). Однако перечни такого рода групп нередко варьи-

Дополнительная занятость в группах респондентов (в % округлено)*

Группы	Имеют дополнительные занятия		В том числе регулярно	
	Средние показатели	Разброс мин.-макс.	Средние показатели	Разброс мин.-макс.
Все респонденты	16	15-17	5	4-5
Мужчины	21	20-21	5	4-5
Женщины	13	12-13	5	4-6
<i>... по возрасту</i>				
до 29 лет	21	18-23	5	4-7
30-49 лет	19	16-21	6	5-6
50 лет и старше	9	7-11	4	2-6
<i>... по образованию</i>				
высшее	23	22-28	8	7-9
среднее	17	14-19	5	4-6
ниже среднего	12	10-14	3	2-4
<i>... по соц.-проф. статусу</i>				
руководители	20	15-25	7	5-10
специалисты	22	17-25	7	4-9
служащие	20	14-27	7	4-10
рабочие	18	12-22	5	4-6
<i>... по секторам экономики</i>				
государственный	19	17-21	6	5-9
полугосударств.	18	15-21	5	4-6
частный	23	13-36	7	6-10
<i>... по месту жительства</i>				
Москва, С.-Петербург	23	17-29	8	7-10
большие города	17	14-21	6	4-8
малые города	17	15-18	4	3-5
села	14	10-16	4	2-5
<i>... по доходам</i>				
высокие	26	23-31	9	7-11
средние	15	14-16	4	3-5
низкие	11	7-14	3	2-4

* Таблица составлена по опубликованным материалам опросов, проведенных в рамках мониторинга ВЦИОМ в марте, сентябре, декабре 1995 г., январе, марте, мае, июле 1996 г. Данные по всем респондентам - за исключением групп по социально-профессиональному статусу и секторам экономики (в которые, естественно, включены только работающие). В столбце "разброс показателей" указаны наибольшие и наименьшие показатели вторичной занятости в каждой из групп на протяжении указанного периода.

руют - в зависимости от того, данными какого конкретного опроса пользуются исследователи [17]. Дело в том, что если численность тех или иных групп респондентов не слишком велика, или просто в силу тех или иных случайностей, возможны отклонения от общей тенденции. Тем более важно использовать совокупные данные нескольких опросов, когда случайные отклонения более или менее элиминируются (см. табл. 4).

Приведенные в таблице показатели вторичной занятости по большинству групп, к сожалению, не очищены от влияния на них данных по неработающим респондентам. И все же они могут быть использованы для выявления относительной силы различных факторов, обуславливающих большую или меньшую включенность людей в сферу дополнительного труда.

По данным всех семи опросов таким трудом наиболее часто заняты люди с высокими (по критериям ВЦИОМ) доходами, жители Москвы и Петербурга, лица с высшим и незаконченным высшим образованием, те, кто трудятся в частном секторе (23-26% численности этих групп, т.е. в полтора раза больше, чем в среднем по всей совокупности респондентов). К ним примыкают специалисты, молодежь до 30 лет, мужчины (по 21-22%), руководители хозяйственных организаций и их подразделений и служащие (по 20%). Реже других вовлечены во вторичную занятость люди старше 50 лет, лица с низкими доходами (по 9-11%, что в полтора раза меньше средней величины), а также имеющие образование ниже среднего, женщины, жители сел (по 12-14%). Близкие к средним показатели характерны для рабочих, работников государственного и полугосударственного секторов экономики, жителей как больших так и малых городов, людей со средним образованием и в возрасте 30-49 лет.

В общем, аналогично распределились группы по степени участия в регулярной вторичной занятости. И в этом случае верхние ступени занимают люди с высокими доходами, москвичи и петербуржцы, лица с высшим образованием (по 8-9%), а также работники частного сектора, руководители, специалисты и служащие (по 7%). Но среди них нет молодежи и мужчин. Реже всего в такой занятости участвуют имеющие образование ниже среднего и люди с низкими доходами (по 3%), жители малых городов и сел, лица со средними доходами и старше 50 лет (по 4%). Участие женщин в регулярных приработках не отличаются от участия мужчин - по 5%, что соответствует среднему показателю. К нему близки также данные об интенсивности участия в такой деятельности рабочих, работников полугосударственного сектора, людей со средним образованием и в возрасте до 30 лет, а также жителей больших городов, работников государственного сектора, людей в возрасте 30-49 лет.

Вместе с тем, для выявления факторов, наиболее сильно воздействующих на участие/неучастие во вторичной занятости, полезно принять во внимание также величины разброса соответствующих показателей между однотипными группами. По данным таблицы 4, в том случае, когда учитывается вся дополнительная работа, он принимает наибольшие значения при сопоставлении крайних групп по величине дохода (2.4:1), по возрасту (2.3:1), по образованию (1.9:1), по месту жительства (1.6:1). Когда же принимается в расчет только регулярная дополнительная занятость, то и в этом случае разброс особенно велик в совокупности доходных групп (3:1), а затем идут группы по образованию (2.6:1), по месту жительства (2:1), по возрасту (1.5:1). Наименьшим оказался разброс в группах по социально-профессиональному статусу (1.2:1 и 1.4:1) и по отраслям экономики, где находится основное рабочее место респондентов (1.3:1 и 1.4:1).

Из всех этих расчетов видно, что большое влияние на степень включенности респондентов в сферу вторичной занятости оказывают два частично пересекающихся фактора - во-первых, их возраст и, во-вторых, уровень их образования. Молодежь и те, кого можно отнести к среднему поколению, уже в силу своего психофизиологического состояния более мобильны, чем люди пожилых возрастов. К тому же те и другие более образованы, а это также увеличивает их шансы на рынке труда (в том числе и дополнительного труда). Причем люди с более высоким образованием более активно ищут и скорее находят дополнительный приработок. А поскольку структура образованности этих, молодого и среднего, поколений примерно одинакова, это означает, что именно взаимодействие возраста и образованности обуславливает во многом разный уровень вторичной трудовой деятельности.

Как уже отмечалось в первом разделе статьи, этот уровень заметно выше и у работников, занятых в частном секторе - по сравнению с работающими в государственном и полугосударственном секторах. И вряд ли можно найти иное объяснение этому феномену, чем то, что в частный сектор переходят и тем более задерживаются там работники более мобильные "по складу души". И тем самым более склонные к дополнительным поискам и перемещениям, в том числе с помощью дополнительной трудовой деятельности.

Вместе с тем, из тех же данных таблицы 4 следует, что эту деятельность еще сильнее дифференцирует различие в уровне доходов. Очевидно, однако, что многие люди, имеющие дополнительную оплачиваемую работу, уже в силу этого обстоятельства переместились в группы с более высокими доходами (т.е. здесь, скорее, не более высокие доходы стимулируют более интенсивную дополнительную занятость, а, наоборот, приработки увеличивают доход). К тому же не сам уровень доходов, а то, что стоит за ним, влияет на интенсивность дополнительной трудовой деятельности.

А за ним стоит, во-первых, тот факт, что величина заработков и вообще доходов в большой степени зависит от личностных свойств индивидов, их биофизиологического и психологического состояния, интеллекта, уровня профессиональной квалификации, которые серьезно влияют на умение/неумение людей приспособиться к социально-экономической ситуации, извлечь из нее наибольшую выгоду (в том числе и с помощью дополнительной работы). Во-вторых, уровень доходов выше как раз в частном секторе, у людей с более высоким образованием и к тому же занимающих более оплачиваемые должности руководителей и специалистов, что само по себе (как это следует из приведенных выше данных) обеспечивает большую включенность в сферу дополнительного оплачиваемого труда. Иначе говоря, величина дохода - это результирующая многих субъективных и объективных обстоятельств вторичной занятости, своего рода ее сводный фактор.

Таким же сводным фактором можно считать и тип поселения, в котором живут и трудятся респонденты. Наибольшая активность в сфере вторичной занятости, характерная для жителей крупнейших городов (мегаполисов), представленных в данном случае Москвой и Петербургом, средняя - для жителей больших и малых городов, а наименьшая - для сельских жителей, обусловлена не простым фактом проживания в тех или иных населенных пунктах и не их величиной, а целой совокупностью разнообразных обстоятельств, стоящих за ним.

Немалое значение имеет, в частности, то, что в населении большинства городов относительно много образованных людей, а также работников умственного труда высокой квалификации — как специалистов, так и руководителей. Для большинства городов характерна также более или менее диверсифицированная хозяйственная структура, что создает более благоприятные условия для мобильности (в том числе и "полумобильности", каковой является вторичная занятость). То и другое обстоятельства, скорее всего, и определяют большую включенность горожан, сравнительно с жителями сел, в сферу дополнительного труда.

А еще более существенное различие между жителями городов, отнесенных к большим и малым, с одной стороны, и крупнейшим, с другой, обусловлено, без всякого сомнения, прежде всего большей "маркетизацией" последних. Высокий уровень вторичной занятости москвичей и петербуржцев зависит, в первую очередь и больше всего, от того, что в этих городах относительно большое развитие получил частный сектор.

Важно отметить также, что именно те группы, которые отличаются более высоким уровнем включенности в сферу вторичной занятости, меньше подвержены в этом случае депрофессионализации и деквалификации. Так, в марте 1995 г. работников, дополнительный труд которых осуществлялся на непрофессиональной основе (напомним: к таким отнесены как ответившие, что этот труд "вообще не требует профессиональной подготовки", так и те, кто затруднились ответить на соответствующий вопрос), было лишь 3% среди руководителей, 10% занятых в частном секторе, 17% специалистов, 22% людей с высшим образованием. Лучше, чем в среднем по выборочной совокупности, были эти показатели также у работников государственного сектора и жителей больших городов (по 25%), людей в возрасте 30-49 лет (29%), москвичей и петербуржцев (31%).

Вместе с тем, ту профессию, по которой они трудятся на основном рабочем месте, чаще всего использовали на дополнительной работе опять-таки руководители (75%), занятые в частном секторе (62%), а также жители Москвы и Петербурга, специа-

Мотивы дополнительной трудовой деятельности у респондентов, уже имевших вторую работу, приработки
(%, по опросам в рамках мониторинга ВЦИОМ) [19]

Мотивы намерений иметь дополнительную работу:	Апрель 1994 г.	Июль 1994 г.	Март 1995 г.	Март 1996 г.
- увеличение доходов	89	82	92	82
- поиск новых возможностей*	19	15	19	19
- использование свободного времени	5	2	6	6

* Суммируются ответы респондентов, отметивших варианты "хочу завести новые знакомства, связи", "хочу получить стабильное рабочее место", "хочу иметь более интересную работу, более полно реализовать свои способности".

листы, работники государственного сектора, люди с высшим образованием (по 47-49%), жители больших городов и люди в возрасте 30-49 лет (по 45%), рабочие (43%).

Соответственно именно в этих группах больше всего тех, чья дополнительная работа требует такой же квалификации, что и основная, или даже более высокой. Таких больше всего было также среди руководителей (75%, в том числе у 31% квалификация выше, чем на основной работе) и занятых в частном секторе (73%, причем у 39%, т.е. у большего числа, чем в любой из других рассматриваемых групп, квалификационные требования к дополнительной работе выше, чем к основной). По этому показателю к ним примыкают рабочие, специалисты, люди в возрасте 30-49 лет, работники государственного сектора, лица с высшим образованием (от 58 до 55%). В свою очередь, около 70% жителей сел, людей с образованием ниже среднего, в возрасте 50 лет и старше заняты менее квалифицированным трудом, чем на основной работе.

Таким образом, если рассмотрение сведений о численности работников, включенных так или иначе в сферу дополнительной трудовой деятельности, подвело к выводу о том, что вторичная занятость является относительно второстепенным фактором социально-экономических перемен в современной России, то последующий анализ этого процесса дает возможность более высоко оценить влияние этого фактора. Действительно, то обстоятельство, что в такую деятельность активнее вовлечены более продвинутые (по объективным и субъективным параметрам), опережающие группы занятого населения, означает, что совокупность "вторичнозанятых" обеспечивает адаптацию российского общества к условиям рыночной экономики в большей степени, чем об этом можно было бы судить только на основании их численности. Такого же рода коррективы позволяет сделать анализ мотивов и стимулов вторичной занятости.

4. Мотивы и стимулы дополнительной трудовой деятельности

Конечно, заведомо основным, первоочередным мотивом вторичной занятости для подавляющего большинства работающих респондентов является желание иметь дополнительный источник доходов - чтобы либо удержать благосостояние семьи на привычном уровне, либо даже повысить его (тем более, что теперь можно прирабатывать практически без каких-либо юридических или административных ограничений). И все же ответы респондентов (опрошенных социологами ВЦИОМ в апреле и июле 1994 г., марте 1995 г. и марте 1996 г.), из числа уже имевших дополнительную

Связь выплаты/невыплаты вознаграждения за труд на основной работе и желания/нежелания найти другую работу с уровнем включенности в сферу вторичной занятости (% от численности работавших респондентов, опрос 1995 г. в рамках RLMS)

	По основному месту работы получали или нет вознаграждение за труд в течение предшествующих 30 дней		Хотят ли найти другое основное место работы	
	да	нет	да	нет
Имеют "еще какую-нибудь" (дополнительную) работу	4.7	3.7	5.5	3.7
В течение предшествующих 30 дней занимались еще какой-нибудь оплачиваемой работой	5.7	6.1	7.6	4.9

работу и выразивших намерение продолжить ее или найти другую, на вопрос - с чем связано это их намерение - дают не столь уж "однообразную картину", как это показалось пессимистичному (в данном случае) наблюдателю [18].

Действительно, каждый раз от 80 до 90% и более этих респондентов отдавали предпочтение варианту ответа - "хочу увеличить свои доходы", - однако среди них было немало и тех, кто склонялся к вариантам, отражающим ориентацию на поиск новых возможностей для более эффективной трудовой, в том числе предпринимательской, деятельности. Как видно из таблицы 5, до 1/5 опрошенных намеревались работать дополнительно прежде всего для того, чтобы завести новые знакомства и связи, получить стабильное рабочее место, иметь более интересную работу и более полно реализовать свои способности.

Характерно, что именно в более мобильных группах относительно больше тех, кто среди мотивов дополнительной работы, приработков отметил варианты, которые выше объединены в одну группу "поисков новых возможностей". В том же марте 1995 г. в два и более раз чаще, чем в среднем по совокупности, эти варианты выбирали занятые в частном секторе (47%, в том числе высказавших намерение "завести новые знакомства, связи" среди них было 15%), молодежь до 30 лет (соответственно 36 и 13%), жители Москвы и Петербурга (34 и 19), руководители (34 и 16%). Именно в этих группах больше всего тех, кто к вторичной занятости относится активно - не только как к способу удержать или увеличить уровень доходов, но и как к возможности повысить, во всяком случае изменить свой трудовой или даже социальный статус. Реже других рассматривают ее в этом качестве пожилые люди (3%), лица с образованием ниже среднего и служащие (по 10%), жители больших и малых городов (по 13% - меньше, чем даже жители сел, среди которых ориентированных таким образом оказалось в том конкретном опросе 20%).

Вместе с тем важно подчеркнуть, что эти данные отражают, скорее всего, соотношение долгосрочных мотивов вторичной занятости; поэтому среди них преобладает ее понимание именно как способа извлечения дополнительного дохода, приработков. Структура же конкретных (ситуативных) стимулов занятий таким трудом может быть иной. Например, задержки с оплатой труда на основном месте работы респондентов, охваченных опросом 1995 г. в рамках RLMS, практически не добавили стимулов к поиску дополнительной работы, а вот намерение сменить место основной работы оказало такое добавочное влияние (см. табл. 6). По крайней мере в данном случае, стремление найти другую основную работу оказалось более сильным стимулом включения в сферу вторичной занятости, чем ущерб, наносимый семейным бюджетом из-за задержек с выплатой заработанных денег на основном рабочем месте.

А вообще-то соотношение ориентаций на увеличение доходов и на улучшение (изменение) условий и перспектив производственной деятельности через вторичную занятость имеет, по-видимому, достаточно сложный характер. И говорить нужно, скорее, об их взаимодействии. Не случайно, например, на вопрос, может ли вторичная занятость респондента стать в обозримом будущем регулярной целодневной работой (он задавался в ходе опроса, предпринятого ВЦИОМ в апреле 1995 г. по заказу шотландского Центра исследований публичной политики), положительно ответили 45% опрошенных ("определенно да" - 14, "возможно да" — 31%) [20]. Значит, к этому готовы и многие из тех, кто относится к своей дополнительной работе прежде всего как к способу увеличения доходов.

Сама вторичная занятость подталкивает к иному, чем первоначальное (долговременное), соотношению ориентиров. В особенности этому способствует ее относительно высокая оплата в частном секторе (в почасовом исчислении она была в марте 1996 г. в среднем в 4,4 раза выше такого же показателя в государственном секторе). Не случайно среди работников государственного сектора, прирабатывающих в частном, заметно меньше тех, кто "бросил бы" вторую работу, если бы основная обеспечивала приемлемый уровень жизни, - по сравнению с теми работниками этого сектора, которые прирабатывают в нем же (37 против 56%) [21].

Еще меньше готовых безоговорочно прервать по этой причине дополнительную работу (20%) было среди работников частного сектора, прирабатывавших в нем же. Но это связано, скорее всего, и с тем, что у них прямая ориентация на поиск в сфере вторичной занятости новых трудовых и предпринимательских возможностей изначально и значительно выше, чем у работников государственного и полугосударственного секторов.

* * *

Конечно, потребуется еще немало усилий для того, чтобы получить более богатый исходный материал и на его основе более детально описать тенденции развития и функционирования сферы вторичного труда, выявить типические мотивы и способы вступления в нее работающих людей, предпосылки и факторы их адаптации к ней, исследовать изменения, которые происходят на этой основе в системе социальных связей и отношений индивидов и их групп, в характере социальной мобильности и новой структурализации населения России. Однако и имеющаяся в нашем распоряжении социологическая информация позволила показать некоторые важные стороны этого процесса.

Во-первых, что вторичная занятость играет в современной России своеобразную роль "полумобильности" занятого населения и потому служит фактором становления новой, рыночной экономики, особенно ее частно-предпринимательского сектора. А тем самым способствует трансформации социальной структуры российского общества. Во-вторых, что неизбежная ограниченность ее воздействия на социальную реальность - прежде всего из-за того, что лишь часть занятых включена в сферу дополнительного оплачиваемого труда, - частично компенсируется тем, что адаптационные возможности такого труда особенно активно используются более продвинутыми и потому более динамичными группами занятого населения, обладающими большим потенциалом влияния на ход социальных процессов.

Эти наблюдения и выводы означают, в свою очередь, что вторичная занятость вполне органична современному российскому обществу. Что это в большей мере физиология, чем патология его развития (как удачно выразился один из участников обсуждения этой статьи).

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: *Хиловская Е.* Вторичная занятость в разных секторах экономики // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 3. С. 24.
2. Среди первых статей, посвященных этой проблеме, привлекают внимание две: *Хиловская Е.А., Куприянова З.В.* Вторичная занятость как способ адаптации населения к экономическим реформам //

- Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. 11. Международный симпозиум 15-18 декабря 1994 г. - М., 1995; *Хибовская Е.А.* Вторичная занятость как способ адаптации к экономическим реформам // Вопросы экономики, 1995. № 5.
3. *Хибовская Е.Л.* Вторичная занятость в разных секторах экономики, с. 24.
  4. Эти запреты и ограничения имели не только административно-правовой, но и ценностно-идеологический характер. Поэтому не только в официально-партийной публицистике, но и в научной литературе так или иначе поддерживались и пропагандировались широко распространенные в массовом сознании установки на увеличение свободного времени за счет рабочего, при табуизировании установок на увеличение заработков и тем более на дополнительные приработки. Не удивительно, что в официальных статистических публикациях того времени нельзя найти никаких сведений о масштабах вторичной занятости. Эту проблему не разрабатывали и социологи. Только иногда, в качестве сопутствующей информации, сообщались сведения об этом аспекте повседневной жизнедеятельности советских людей. Так, в известной книге Б.А. Грушина о свободном времени, базирующейся на опросе населения 60-х годов, сообщалось мимоходом, что дополнительную трудовую нагрузку более часа в день имели 5,3% респондентов.
  5. Социально-экономическое положение России: 1995 г. № 12, с. 130-131 (Государственный комитет Российской Федерации по статистике); Россия в цифрах. Краткий стат. сборник. - М.: Финансы и статистика, 1996. - С. 256 (Госкомстат России).
  6. Пересчет данных обследования, опубликованных в: Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н. Лапин, Л. Беляева. - М.: Эдиториал УРСС, 1996. - С. 103, 115. Причем сектора хозяйствования были выделены мной в соответствии с реальной ситуацией первой половины 90-х годов, так что к старым формам хозяйствования были отнесены государственные предприятия, колхозы и совхозы, бюджетные и общественные организации; к промежуточным - акционерные и арендные предприятия, кооперативы; к новым формам - частные предприятия, собственное дело, крестьянские и фермерские хозяйства, кустарные и ремесленные предприятия. Потенциально занятые - те респонденты, которые дали ответ на вопрос, где бы они хотели работать.
  7. New Russia Barometer. IV. Servey Results. - Glasgow, 1995. P. 7-8, 25. (Studies in Public Policy. № 205.)
  8. Экономические и социальные перемены. 1996. № 3. С. 26, 62, 68. - Согласно методике, принятой во ВЦИОМ, к государственному сектору отнесены чисто государственные предприятия и организации, к промежуточному — государственные АО, колхозы, предприятия потребительской кооперации, арендные предприятия и общественные организации, к частному - предприятия, принадлежащие одному лицу или группе лиц, инофирмы, негосударственные АО, выкупленные предприятия, а также индивидуальный сектор занятости.
  9. Динамика ценностей населения реформируемой России, с. 115.
  10. Как уже отмечено выше, только на малых предприятиях в 1995 г., трудилось 5 млн. совместителей. В другой официальной публикации Госкомстата говорилось уже о 6,7 млн. человек, работающих в малом бизнесе на условиях вторичной занятости (см.: Информационный статистический бюллетень, сентябрь 1995, № 10, с. 6).
  11. *Хибовская Е.А., Куприянова З.В.* Цит. соч., с. 188. - Они подметили, что если предлагаются варианты ответа "да", "нет", то число прирабатывающих близко к 13-15%; если же положительный ответ конкретизируется: "да, была регулярная дополнительная работа" и "да, были нерегулярные приработки", - то к 20%.
  12. Здесь и далее при оперировании материалами мониторинга ВЦИОМ имеются в виду публикации в Информационном бюллетене "Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения" за 1993-1996 гг.
  13. *Хибовская Е.А., Куприянова З.В.* Цит. соч., с. 187.
  14. *Хибовская Е.А.* Вторичная занятость в разных секторах экономики, с. 24.
  15. См. там же, с. 24—25.
  16. Там же, с. 24.
  17. Кроме названной статьи, см. также: *Хибовская Е.А., Куприянова З.В.* Вторичная занятость как способ адаптации населения к экономическим реформам; *Куприянова З.В.* Разные группы работников в сфере труда // Экономические и социальные перемены. 1994. № 4; *Хибовская Е.А.* Вторичная занятость // Там же, 1994, №5.
  18. *Хибовская Е.Л.* Вторичная занятость в разных секторах экономики, с. 27.
  19. *Хахутина Л.А., Стивенсон С.А.* Предпринимательская активность населения: условия и перспективы // Экономические и социальные перемены, 1996, № 5, с. 39, а также публикация итогов мониторинга (там же, 1995, № 3, с. 74). (Поскольку каждый респондент мог отметить более одного варианта, сумма ответов превышает 100%.)
  20. New Russia Barometer. IV, p. 26.
  21. *Хибовская Е.А.* Вторичная занятость в разных секторах экономики, с. 27.